

Руслан Сидоров

А помнишь, как апрельской ночью...

* * *

Там, где в траве лежал велосипед,
Скамейка – два пенька, доска меж ними;
Где паровоз классический сипел
И проносился мимо в млечном дыме;

Где сросся со скворешней старый клён,
Опавший осенью, поздней – заледенелый;
Где думал, что влюблён (и был влюблён);
Где сне ложился, белый, белый-белый, –
Там всё по-прежнему: лежит велосипед,
Под клёном двое мнутся неумело,
Скворешни с паровозом только нет
И белый-белый снег – не белый.

* * *

Всю ночь курил и вслух бранился,
Бросая недочитанный журнал,
Чтоб осушить глаза. И начинал,
Точнее, продолжал. Супец варился.
По-русски. В русской печке. Сам собой.
Всё закидал. Поставил. Утром кушай.
Роман же продолжался. Про любовь,
Про нас с тобою. Будто кто подслушал.
Как будто кто со свечкой подсмотрел.
Как будто в душу кто залез и вынул
Заначки все (ну хоть бы половину).
Всю ночь горел, как шапка на воре.
Всю ночь курил, тихонько матерясь.
Роман же хэппи-эндом завершился.
Ну слава богу! Это не про нас.
Супец готов. Наваристый, душистый.

Январь 2003

Неброский блеск луны и снега
Как незатейливый мотив
Молчания – земли и неба.
И лес заслушался... Затих.
Свет серебра – неслышный голос,
Жемчужный отсвет – диалог.
Лишь бархат бересты колонн
Волнует тишину и холод.

Стоящий посреди зимы
Перед зачётом вне предмета
Берёт у вечности займы
Уроки холода и света.

* * *

Я вспомнил: мне снились опята
И кто-то такой молодой,
Ни разу ещё не женатый;
Я вспомнил, как первый ледок
На лужах, на жёлтых лужайках
Хрусталиком звонким хрустел;
Опята в лукошке лежали,
И ветер свистел в бересте.
Я вспомнил гранат костяники –
Холодный и кислый огонь,
И кедры, и пихты меж ними,
И воздух, сцеженный тайгой;
Замшелый и влажный валежник,
Дворец муравьёв в полный рост,
И золото солнца прилежно
Рассыпалось в рос серебро.
Я вспомнил: он шёл, притомившись.
Калёную воду в реке...
Я многое вспомнил, помимо
Когда это было...
...и с кем.

* * *

Что бесхарактерность? – пространство, а характер
Лишь линия в пространстве. И кораблик,
Что по дуге торопится до порта,
Допустим, будет первым мастер спорта.
Бесспорно, предостаточно – но всё же
Сама возможность, что представить можем
Прибытие в порт, сам порт, портовый город,
Портвейны, порно или же другое:
Библиотеки, залы, оперетту...
Пойти туда и взять с собой вот эту;

Потом семья, потомки... делать дело,
Рост знания, состоянья, билдинг тела...
Вот чёткая и честная черта
Из точки в точку. Точка. Пустота.
Ведя дугу в пространстве: «А что, если б» –
Что я могу? Я солипсуюсь в эллипс.

* * *

Из нас собрали батальон,
Мне дали старый «ундервуд»,
Шинель без розовых погон –
Таких давно уже не шьют.

Мы прошагали на перрон,
Оркестр сыграл нам бодрый туш,
И юный ротмистр Бальмонт
Нёс романтическую чушь.

И мы заполнили вагон,
И «брехунок» оповестил,
Что поезд на Парнасский фронт
Отходит с третьего пути.

Ходили фляжки по рукам,
И пахло в тамбуре травой.
Седой полковник Мандельштам
Молчал нам о передовой...

Прошли года, а не война –
Кто вышел в чине, кто погиб,
А кто сказал: «а нахрена?»
И от своих побег к другим.

Передовая, тишина...
Парнасский фронт ночами тих,
И поседевший старшина
В хрущёвке тесной пишет стих.

Он собирает свой призыв
В опавших памяти листах.
Не удержав хмельной слезы,
Строфу он составляет так:

«Из нас собрали батальон,
Мне дали старый «ундервуд»,
Шинель без розовых погон –
Таких давно уже не шьют...»

* * *

Сирень сизокрыла, и семь голубей –
Как крупные гроздья под ней понарошку,
Щекотно клевали от булочки крошки
С ладони моей и ладошки твоей –

С той розовой, ласковой, узкой ладошки,
Которую только что дождь целовал.
Неделя для счастья – достаточно долго,
Особенно если живёшь одна.

Тебе было только шестнадцать тогда.
Недетская женственность, опытность крови.
И ночь, разметавши, срывала покровы,
И снова взрывалась сверхновой звезда.

Семь дней, семь ночей и четырнадцать зорь,
Лазоревых зорь сизокрылой сирени.
Неделя для счастья светлей и воскресней
Бракованных лет, обручённых слезой.

Сирень сизокрыла, и семь голубей
Щекотно склевали от булочки крошки,
И плыли по лету в плену тополей
В ладони – ладонь.
Нет – в ладони ладошка.

* * *

Отдыхаю в деревне, варю картошку
Да вдыхаю озон с табаком вперемешку.
Забываю город, работу, более
Того, я забыл про горе.
Каждым утром по лесу бегаю кроссом.
Пахнет августом, армией и берёзой.
Без будильника точный подъём в полшестого.
Идут на выпас коровы,
И мычат, и чешут бока об заборы,
И хозяйки кладут хворостины с прибором.
А в тумане – знаешь, как голос гулок...
Подъём. Ровно в шесть – бегу я.
У меня под участком течёт речушка,
И как только из лесу возвращусь я –
Два ведра на грудь, в самом лучшем смысле, –
Разом усталость смыли.
И такой мажор, будто это – счастье.
Заварю покрепче и выпью чая.
И такая вкусная первая «Прима» –
Даже не знаю прямо...
Денег нет, но нет и проблем, что покушать:
В огороде растёт любая петрушка.
Сигарет и чаю привёз бессчётно,
Книги есть, а чего ещё-то?

А потом мне расскажет своё Бертран Рассел.
Мы уже добрались с ним до Мора с Эразмом.
Сам себе удивляюсь: мне всё понятно,
Чернеют белые пятна.

А когда стемнеет, курю на крылечке,
Наблюдаю звёзды сквозь дыма колечки.
Подойдёт овчарка, щёку полижет
И рухнет ко мне поближе.
Одиночество, знать, и собакам знакомо.
Мы вдвоём, прижавшись, молчим о ком-то.
Или ни о ком, просто так молчим мы.
Чистое небо лучисто...

* * *

«Мы все подохнем к концу апреля», –
Сказал капитан. И все согласились.
И льды, в которых мы напрочь сели,
Не издевались над нашим бессильем,
Бело молчали. И мы молчали.
И вдруг, точно выстрел, – щелчок затвора.
И тогда я увидел глаза майора –
Голубые. Без страха и без печали.
И, точно в замедленном кинофильме, –
Ствол карабина, идущий к горлу,
А шомпол – к курку... И острою бритвой –
Крик капитана: «Отставить!.. Майор, Вам
Должно быть стыдно. Ведь Вы на службе.
Жить и работать! Приказ Вам ясен?»
И коку: «Удвоить паёк на ужин».
И тихо боцману: «Он не опасен».
Майор, пошатнувшись, прошёл меж нами.
Потупившись, мы на него не смотрели.
И вновь капитан: «Я вам напоминаю.
Мы все подохнем к концу апреля».

* * *

Мир знал до человека о себе
И ныне сохраняет это знание.
И что ему до суетных созданий,
Взыскующих до истины небес,
Что вызвали в помощники богов,
Придумали какую-то науку –
Наверняка – Большое Ничего.
Тщета. Стрельба в созвездия из лука,
Пожалуй, плодотворней. Ведь она,
Та Истина, коль есть, – нечеловечна.
Не потому ль так лыбится луна,
За нами наблюдая каждый вечер.
Ничтожный хохотунчик ручеёк
Об этом валуну звенит руладой.
А Тишина стоит, хранит Своё
Так было. Есть. Так будет. И так надо.

А может быть, Луна, Валун, Ручей
В какие-то довременные дали
Соскучились и вывели создание,
Чтоб посмеяться было им над чем.
Чтоб радоваться милой толкотне
Слепых кутят, дурашливых, безвредных.
Не потому ли именно Луне,
Воде и камню... поклонялась древность.

* * *

А помнишь, как пахли опилки
На маленькой пилораме,
Как они жарко вспыхивали,
Как дрова разгорались

Быстро (как ты) и весело,
Как пела печка протяжно,
Как первые звёзды вечера
Подмигивали нам влажно...

А помнишь топчан, сколоченный
В три плахи сухого кедра,
Широких (но узких ночью), –
Три скрипки в серьёзном скерцо...

А помнишь, как утром завтракали
Дарами тайги и речки:
Октябрьскими карасиками,
Последними сыроежками...

А баньку по-белому тёмную,
Не знавшую электричества,
С тайгой и рекой за стёклами,
С любовью (Её Величеством).

А помнишь, как апрельской ночью... [Текст]: «Там, где в траве лежал велосипед...»; «Всю ночь курил и вслух бранился...»; Январь 2003; «Я вспомнил: не снились опята...»; «Что бесхарактерность? – пространство, а характер...»; «Из нас собрали батальон...»; «Сирень сизокрыла, и семь

голубей...»; «Отдыхаю в деревне, варю картошку...»; «Мы все подохнем к концу апреля...»; «Мир знал до человека о себе...»; «А помнишь, как пахли опилки...» : [стихи] // День и Ночь. – 2009. – № 4.